

УДК 902.01

С.Ф. Кокшаров

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА НОЖА С МОГИЛЬНИКА САТЫГА XVI*

Анализируется литейная форма ножа, найденная в погребении литейщика на могильнике Сатыга, расположенном в Приуральской части Западной Сибири в среднем течении р. Конды. Некрополь, связанный с керамикой варпаульского типа, отражает культуру таежного населения в сейминский период бронзового века. Особое внимание уделено конструкции предмета и облику орудия, которое в нем изготавливалось. По морфологическим характеристикам – наличию крюка – отливка имеет параллели среди ножей разрядов НК-18, 20, 28. Обнаруженная матрица имеет соответствия среди технологической керамики досейминского и сейминского времени, что может свидетельствовать о традициях в металлопроизводстве охотников и рыболовов севера Западной Сибири.

Ключевые слова: литейная форма ножа, керамика варпаульского типа, сейминский период, металлопроизводство таежного населения.

Анализируется литейная форма ножа, найденная в погребении литейщика на могильнике Сатыга XVI, расположенном в Приуральской части Западной Сибири в среднем течении р. Конды. Памятник, связанный с керамикой варпаульского типа, отражает культуру таежного населения в сейминский период бронзового века. Особое внимание уделено конструкции предмета, имеющего литниковую воронку на торце и состоящего из двух створок. На одной из них помещен негатив отливки, а другая являлась плоской крышкой.

Могильник Сатыга XVI, расположенный в среднем течении р. Конды, – один из хорошо исследованных памятников бронзового века в таежной зоне Западной Сибири. Его материалы опубликованы в монографии, подготовленной специалистами из гг. Екатеринбург, Тюмени, Москвы, Томска [1]. После открытия в 1987 г. Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых почти сразу отнесли памятник к числу сейминско-турбинских (далее СТ) некрополей [2. С. 22–23, 275]. Это мнение было поддержано и другими археологами [3. С. 192; 4. С. 233; 5. С. 60].

Особое внимание специалистов привлекла частично разрушенная могильная яма 5. Судя по сопроводительному инвентарю, включающему литейные формы для ножа и двух кельтов, сверленную булаву, наконечник стрелы и другие находки, в ней был захоронен мастер-литейщик. По заключению С. В. Кузьминых, это погребение, «безусловно, стоит в одном ряду с такими выдающимися

ся захоронениями с литейным и кузнечным инструментарием, как из Ростовки (мог. 21) и Сопки 2» [6. С. 32]. Несмотря на обстоятельное рассмотрение инвентаря из данного комплекса, авторы книги «Сатыга» упустили, на мой взгляд, довольно важные нюансы, касающиеся особенностей двусторонней формы ножа (рис. 1), а также морфологии изделия, которое в нем отливалось. Оба сюжета являются предметом предлагаемого исследования, и, надеюсь, привлекут внимание специалистов.

При рассмотрении особенностей матрицы С.В. Кузьминых дважды обращает внимание на наличие в ней литника, занимающего всю торцевую часть совмещенных створок, и говорит об оригинальности изделия [6. С. 31]. Несмотря на неудовлетворительную сохранность многих образцов технологической керамики бронзового века, уже сейчас можно говорить, что подобное оформление литниковых гнезд не является чем-то экстраординарным на территории Западной Сибири. Кроме сатыгинской находки в таежной зоне региона известны еще два образца со схожими характеристиками. Они обнаружены на культовом комплексе Сайгатино VI и поселении Савкина Речка, расположенных, соответственно, в Сургутском и Нижневартовском районах ХМАО–Югры Тюменской области (Среднее Приобье).

Форма из Сайгатино сохранилась неудовлетворительно. Несмотря на это, отчетливо видно, что она состоит из двух створок, имеющих на тор-

* Работа выполнена по проекту: «Истоки и традиции уральских культур: пространственно-временная динамика» в рамках Программы Президиума РАН по теме «Пути и коммуникации в центре Северной Евразии».

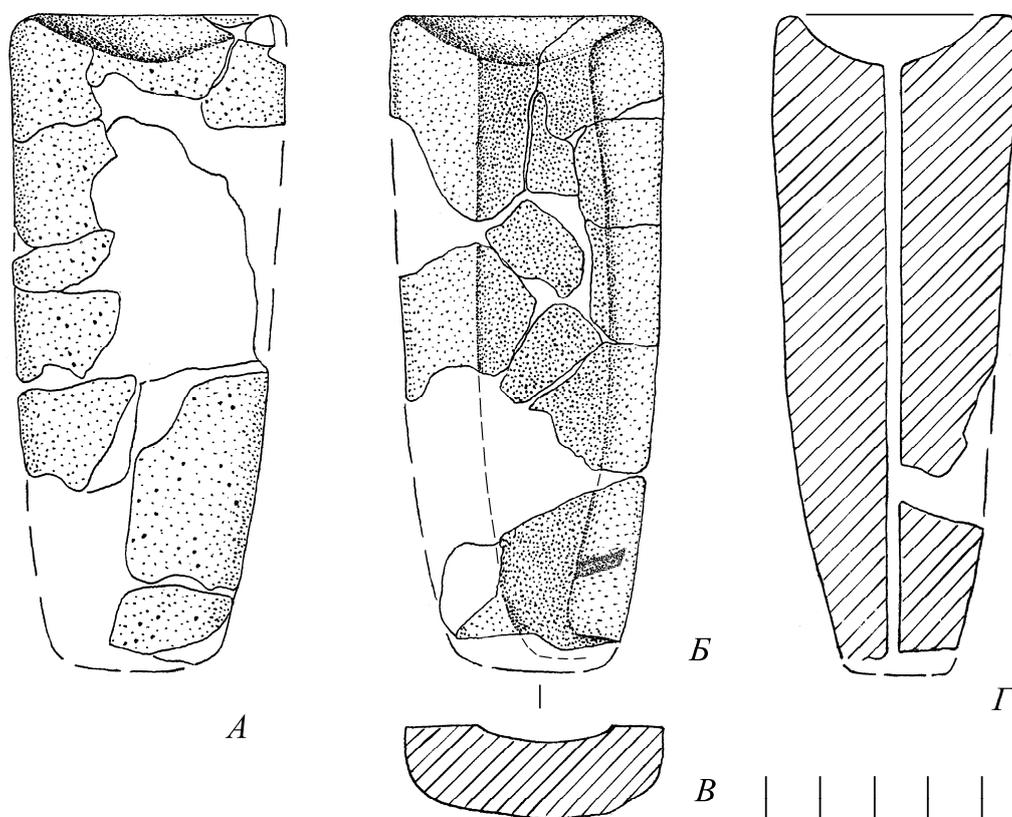

Рис. 1. Графическая реконструкция литейной формы ножа с могильника Сатыга XVI

цевой части раструбообразную воронку, направлявшую жидкий металл внутрь полости. Предмет служил для отливки кольца с помещенным внутри изображением антропоморфного существа [7. С. 47. Рис. 4, 2, 2А–2В]. Кроме широких литников, матрицы Сатыги и Сайгатино сближает овальная форма створок в поперечном сечении, а также помещение негатива изделий на одной из них, тогда как другая представляла собой крышку. На андроновский возраст сайгатинской формы указывает облик, производимой в них продукции – специфические ажурные подвески из бронзы, получившие у археологов определение «человек в круге». Они являются одним из атрибутов памятников черноозерско-томского варианта андроновской культурно-исторической общности (могильники Черноозерье I и Боровлянка XVII) [8. С. 114. Рис. 1, 1–2, 9, С. 202, рис. 1, 2–3; 2, 1–2; 4, 4; 5, 3–4]. Рассматриваемые находки объединяет еще одно важное обстоятельство: они встречены в одних комплексах с оригинальными костяными пластинками с просверленными отверстиями вдоль длинной оси [7. С. 49, рис. 3, 5; 10. С. 57. Рис. 4.6 – 13–15,

19–20], а также керамикой варпаульского типа, получившей распространение в таежной зоне Западной Сибири в сейминское (андроновское) время [11. С. 18; 12. С. 51; 13. С. 180; 14. С. 88]. Е.Н. Черных и С. В. Кузьминых включают комплекс находок Сайгатино VI в число самусьско-кижировских (далее СК) памятников [2. С. 145]¹.

Двусторонняя форма из Савкинской Речки сохранилась сравнительно неплохо. Авторов публикации данного предмета также привлекла «интересная деталь матрицы – литниковое гнездо в виде воронки» [15. С. 62–63. Рис. 4, 1–2]. Негатив изделия располагался на одной из створок, тогда как другая являлась крышкой. Отливка представ-

¹ Говоря о самусьско-сейминском периоде, В. И. Стефанов поднимает вслед за мной другой важный вопрос, касающийся денонсации аксиомы хронологического приоритета СТ металла перед СК, которая выдвинута Е. Н. Черных и его коллегами [24. С. 85, 105; 2. С. 144, 183, 259; 25. С. 36–37]. Речь идет о смыкании периодов ПБВ-1 и ПБВ-3, отражающих сложение и деструкцию Евразийской металлургической провинции [25. С. 34]. При таком подходе не остается места для фазы ее стабилизации, приходящейся на ПБВ-2.

ляла собой полоску металла трапециевидной в поперечном сечении формы длиной ~190 мм, шириной 9–11 мм и толщиной 2,5–3 мм. Вместе с тем нельзя говорить об идентичности этой находки с литейными формами Сатыги и Сайгадино. Во-первых, ее литник не столь велик и занимает лишь центр торцевой части предмета, а, во-вторых, обе створки в поперечном сечении не овальной, а треугольной формы, образующие в сборе ромб.

Авторы публикации соотносят находки, полученные на Савкиной Речке (прежде всего керамику), с материалами кульганского типа, оговаривая, что они не ведут речи об их отождествлении, и датируют комплекс ранним бронзовым веком [15. С. 70–71]. В определении возраста кульганских древностей принимаются во внимание не только имеющиеся ^{14}C даты, но и архаичный облик кульганской керамики в сравнении с посудой культового комплекса Сайгадино VI [16. С. 30; 17. С. 111; 18. С. 48]. Эти предложения согласуются с типолого-хронологической схемой, разработанной для севера Западной Сибири, по которой поселения с керамикой кульганского облика входят в единый хронологический горизонт с позднелымьятскими памятниками Конды досейминского (доандроновского) времени, предшествуя объектам с варпаульской посудой – Сатыге XVI, Ленино I, Сайгадино VI, Товкуртлору 3 [19. С. 111; 12. С. 48. Рис. 2; 20. С. 39; 21].

В последнее время В. И. Стефанов откорректировал прежний взгляд на возраст кульганских, поздних лымьятских и варпаульских объектов. Опираясь на ^{14}C дату могильника Сатыга XVI (3655±29 лет, ОxA-12529) [22. Табл. 3], действительно перекликающуюся с кульганскими образцами, он не исключает синхронного существования перечисленных древностей в рамках самусьско-сейминского периода¹ [5. С. 85]. Вместе с тем специалисты обращают внимание, что она не может быть прокомментирована исчерпывающим образом в силу единичности [22. С. 99]. Таким образом, обращение к ней без учета стратиграфических наблюдений и других материалов выглядит некорректным. Обращение к хронологии куль-

ганских памятников необходимо исключительно для обоснования тезиса об относительной долговременности использования двусторонних литейных форм с воронками для изготовления различных пластинчатых предметов (орудий, заготовок для них, украшений). Применение подобных изделий в досейминский и сейминский периоды бронзового века позволяет ставить вопрос о наличии определенных традиций в металлопроизводстве, функционировавшем на севере Западной Сибири.

Второй сюжет, связанный с сатыгинской матрицей, касается морфологических особенностей отливки. Этот вопрос обсуждался Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых в связи с возможным отнесением ее к ножам разряда НК-6 [2. Прим. на с. 94]. Впоследствии один из соавторов расширил перечень разрядов до НК-2, 4, 6, уточнив, что изделия приобретали окончательный облик после кузнечнойковки [23. С. 244]. Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых относят их к так называемым диагностическим СТ типам ножей [2. С. 91]. При металлографическом анализе ножей НК-2, 4 могильника Сатыга XVI А. Д. Дегтярева и С. В. Кузьминых отметили, что они отливались в матрице с негативом ножа и плоской крышкой [26. С. 40–41], вероятно, подобных той, что происходит из погребения 5 (литейщика). С. В. Кузьминых поясняет, что в определении типологической принадлежности получаемой отливки следует обратить внимание на расширение лезвия в средней части (или близко к ней), что присуще изделиям разряда НК-4, имеющимся на могильнике [6. С. 31]. Однако он не настаивает на этом выводе.

Некатегоричность суждений исследователей вполне объяснима. Конфигурация негатива действительно указывает на оригинальность отливки, имевшей облик кардинально отличный от того, на который указывают специалисты (орудия типов НК-2, 4, 6). Если присмотреться внимательнее, то на стороне, противоположной воронке, отчетливо проявляется сужение полости, после чего она меняет под прямым углом направление, подходя к самому краю (?) формы. Изгиб позволял получать пластинчатые ножи со своеобразным «L»-образно загнутым краем. Размер получаемой отливки – 111 (?) × 20–24 × 3 мм.

Ножи с клювовидным концом (ножи-пилки), происходящие из Канинской пещеры и Сеймы, фигурируют в сводках СТ металла под разрядами НК-18, 20 [2. С. 101, 103. Рис. 60, 4, 6]. Еще один экземпляр, крепившийся в костяной рукояти, находился в погребении 20 могильника Ростовка. В. И. Матющенко и Г. В. Сеницына отнесли его к VIII классу ножей [27. С. 30, 80. Рис. 35, 1 и 80,

¹ Бронзовые орнитоморфные изображения, учтенные в классификации, происходят из Кулайского, Саровского, Парабельского, Ишимского, Кривошеинского, Соровского 22–23 культовых мест; святилища Барсов городок I/9; Муралинского, Истяцкого, Холмогорского, Елыкаевского кладов и клада на городище Барсов городок I/20; Айдашинской пещеры; Барсовских III и VII могильников; городища Барсов городок I/6, Барсов городок I/9, Барсов городок I/20, Усть-Полуй, Няксимволь I, городища на Соровском мысу; селища Барсова гора I/40, поселения Катра-Вож, а также случайные находки: бокчарские (бакчарские), пиковские, васюганские, находки на оз. Кислоры (СОКМ).

VIII]. Первоначально Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых включили ростовкинский экземпляр в условно выделенный разряд НК-28 [2, С. 105], но в монографии «Сатыга» один из соавторов определил вещи данного типа как ножи-вкладыши, рассматривая последние в качестве характерных орудий восточной зоны распространения СТ-памятников [28. С. 36–37]. В качестве еще одной аналогии можно привести изделие с Шайтанского озера II [29. Рис. 3, 29; 30. Рис. 4, 11]. Правда, судя по рисунку, крюк у него оформлен не на острие, а насаде. Окончательный вывод о выделении ножей с крюком (или клювовидным концом) в отдельный тип может быть сделан лишь после микроструктурного металлографического анализа, когда будет установлена технология оформления изгиба лезвия (ковка или литье).

Абстрагируясь от облика изделий, получаемых сатыгинским литейщиком в рассмотренной матрице для ножа, следует признать, что двухстворчатые литейные формы с негативом изделия и крышки, оснащенные широким литником, не являются чем-то необычным для севера Западной Сибири. Параллели сатыгинской находке, имеющиеся на памятниках досейминского и сейминского времени, позволяют ставить вопрос о существовании у населения Среднего Приобья определенной традиции в сфере металлопроизводства. Истоки последнего еще предстоит выяснить, но было бы преждевременно связывать его с мигрирующими СТ группами.

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что локальные особенности, наблюдаемые в металлопроизводстве у населения Приуральской части Западной Сибири и Среднего Приобья, начинают нивелироваться в значительной степени в сейминское время. На Конде, в Нижнем и Среднем Приобье появляются археологические памятники с керамикой варпаульского облика и сопутствующими ей находками транскультурного облика, которые правильнее определить как синхронизмы. В это время группы таежного населения, имевшие доступ к относительно стабильным каналам получения металла, переходят к повсеместному производству втульчатых и пластинчатых изделий в двусторонних формах по технологиям позднего бронзового века. Литейщики металлообработывающих центров Обь-Иртышья, работавшие по единым схемам, сохраняют тем не менее локальные особенности, нашедшие отражение в примесях к металлу и облике выпускаемой продукции [12. С. 52; 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сатыга XVI*: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. 192 с.
2. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.
3. *Григорьев С.А.* Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск: [Б.и.], 1999. 444 с.
4. *Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д.* Поздний бронзовый век // Археология: учебник. М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 219–270.
5. *Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Сатыга XVI в системе культур эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. С. 60–85.
6. *Кузьминых С.В.* Литейные формы // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. С. 30–32.
7. *Кокиаров С.Ф., Чемякин Ю.П.* Памятник бронзового века в окрестностях д.Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1991. С. 43–52.
8. *Стефанов В.И.* Забытая находка из Черноозерского могильника // РА. 2004. № 4. С. 114–118.
9. *Погодин Л.И., Полеводов А.В., Труфанов А.Я.* Бронзовая антропоморфная пластика могильника Боровлянка XVII // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург: Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 195–205.
10. *Стефанов В.И.* Костяной инвентарь, изделия из бересты, меха и кожи // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. С. 56–58.
11. *Кокиаров С.Ф.* Энеолит и бронзовый век бассейна р. Конды: автореф. дис. ... канд.ист.наук. М., 1993. 22 с.
12. *Кокиаров С.Ф.* Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чаронд, 2006. С. 41–67.
13. *Кокиаров С.Ф.* Керамика полымьятского типа поселения Геологическое III (материалы раскопа IV) // Шестые Берсовские чтения: сб. статей Всероссийской археологической научно-практической конференции. Екатеринбург: ООО «Издательство КВАДРАТ», 2011. С. 75–90.
14. *Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И.* Селище Савкинской Речка: Новые материалы по бронзовому веку среднетаежного Приобья // ВААЭ. 2012. № 3 (18). С. 60–72.
15. *Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (материалы к атласу). 2-е изд. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 7–74.
16. *Стефанов В.И.* Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова гора», 2002. С. 97–112.
17. *Чемякин Ю.П.* Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. 224 с.
18. *Кокиаров С.Ф., Погодин А.А.* Мастерская бронзового века на реке Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2 (22). С. 100–113.

19. *Кокишаров С.Ф.* Факты, комментарии, интерпретации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (в печати).
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.
20. *Кузьминых С.В.* Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 240–263.
21. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 84–105.
22. *Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В.* Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири: Тезисы докладов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 34–37.
23. *Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В.* Результаты аналитического изучения металлических изделий // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. С. 37–44.
24. *Матющенко В.И., Симицына Г.В.* Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 136 с.
25. *Кузьминых С.В.* Металлические изделия // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. С. 32–37.
26. *Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Бронзовый век Урала: новые перспективы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. I. С. 341–346.
27. *Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Шайтанское озеро: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 67–77.